

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 5

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

1992

Издается при содействии Всероссийского биржевого банка

СОДЕРЖАНИЕ

- А.И. Ракитов — Цивилизация, культура, технология и рынок 3
К.Г. Баллестрем — Апории теории тоталитаризма 16

Диалог религий

- Николай Кузанский — О мире веры 29
Ю.А. Шрейдер — Опыт христианско-иудейского взаимодействия 54
О.В. Хростовский — Значение Шоах для христианского понимания Библии 61
Беседа о. Адама Жака с Симоном Лауером 70

Россия и Запад

- В.Г. Щукин — Культурный мир русского западника 74
В.И. Мильдон — "Земля" и "небо" исторического сознания 87

Философские биографии

- М.К. Мамардашвили — Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн)
(окончание) 100
Ж.-П. Вернан — Грузинский Сократ 116

Из истории отечественной философской мысли

- Н.А. Бердяев — Письма к М.О. Гершензону (предисловие к публикации
М.А. Колерова) 119

Н.А. Бердяев Письма к М.О. Гершензону

Предисловие к публикации

Николая Александровича Бердяева (1874—1948) с Михаилом Осиповичем Гершензоном (1869—1925) познакомил С.Н. Булгаков. Именно он, подкрепляя своими организаторскими способностями бердяевские мечты о собственном органе "идеалистов", привлек в их общее детище — журнал "Вопросы Жизни" (1905) — своего старого друга, начинающего историка русской общественности и литературы М.О. Гершензона.

Тогда нелегко еще было различить в соловьевско-марксистской терминологии "христианского социализма" особенные голоса столпов русского религиозного ренессанса. Бердяев еще присягал "либерально-эгалитарному процессу" и поддерживал интеллигентщину "мистического анархизма". В ярком утверждении прав подавленной государством личности едва слышался неосознанный протест против радикалистского попрания духовной свободы. Идеализм общественного освобождения от пут всепроникающей материалистической "буржуазности" в те времена затмевал в глазах Бердяева инертность русской "общественности" и относительность ее природного "идеализма". Все, что так остро впоследствии ощутил и отметил Бердяев, — и творчество, и свобода, и не подвластный общему мнению индивидуализм, — все было потом, после 1905 г., после парижской зимы 1907—1908 гг. с ходульным преклонением философской гордыни Мережковских перед интеллигентской псевдорелигиозностью.

Но Гершензон, поднимающий голос из глубин семейных архивов столетней давности, уже пережил почти неизбежное для своего поколения толстовство и для "Вопросов Жизни" подготовил весьма примечательную статью. Его героем стал П.Я. Чаадаев, его косвенным, через наследие героя, решением волновавших "идеалистов" проблем — "социальный мистицизм". Бердяеву же потребовалось несколько лет, вплоть до участия в гершензоновской инициативе — сборнике "Вехи", чтобы окончательно освободиться от юношеского демократизма и утвердить свою социальную философию на индивидуальности. "Общество не есть организм" — формулировал он позже¹, и это понимание создавало главную предпосылку его тогдашнего сближения с Гершензоном. Как историк, Гершензон постулировал знаменитое: "Общество — абстракция; общество не ищет, не мыслит, не страдает", не имеет единой жизни, ибо живут и т.д. именно люди, выстраивая круги общения и духовного родства². В первом приближении это напоминало бердяевские требования *общности* в обществе, основанном на личностном общении, и разводило его с

¹ Бердяев Н.А. Мос философское мирозерцание. — Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991, с. 23.

² Гершензон М. История молодой России. М., 1908. с. V.

ориентацией иных "веховцев" (П.Б. Струве, С.Л. Франк, А.С. Изгоев), склоняющихся к, так сказать, *мистической социальности*, ясно чувствующих самостоятельную духовную жизнь общества. Этой ясности Бердяеву, только что вернувшемуся, после охлаждения к Мережковским, в эту исходную среду, не хватало. И наиболее близким из всех ему казался Гершензон.

Когда Гершензон, наконец, суммировал свое общественное кредо, инкорпорируя "веховскую" актуальную статью в историческое исследование русской интеллигенции³, Бердяев получил повод и материал для взаимного определения. "У Гершензона есть особенная любовь к славянофильству, есть та любовь, в которой многое открывается", — писал Бердяев в рецензии, и его растущее внимание к тому же Хомякову придавало особый смысл его высказыванию. И накладывало особую ответственность на Гершензона. "Славянофильство" Бердяева оказывалось первой сферой его церковного христианства и посему служило своеобразной гарантией от интеллигентских крайностей индивидуализма. "Традиционная история нашего самосознания всегда писалась о судьбе идеи усовершенствования общественных форм, в которой не было ничего оригинального, ничего творческого. Гершензон весь сосредоточен на истории идеи внутреннего устройства личности" И поэтому, не будучи христианином, дает вместо христианского (церковного) понимания — "*индивидуалистическое* истолкование сущности славянофильства, и в этом его односторонность". "Все общественное и историческое, — проясняет и развивает свою позицию Бердяев, — не может быть рассматриваемо как внешнее. Духовной индивидуальностью обладает не только индивидуальное, но и общее, не только личность, но и исторические тела". Так определялась внутренняя граница между вечно колеблющимся Бердяевым и Гершензоном. "Боюсь, сам Гершензон не вполне победил рационалистические препятствия, (...) в крайнем индивидуализме основной грех философской концепции Гершензона"⁴.

Преодолевая препятствия, Гершензон качнулся в противоположную сторону, к ветхозаветной гармонии рода, больше напоминающей идеалы Толстого. И вновь Бердяев вынужден был отстаивать и уточнять свои принципы. На общественности настаивал он и тем утверждал свою "родовую" связь с русским ренессансом.

Может быть, именно это удержало его от того искушения, которому поддался в 1917 г. Гершензон. Ему, сознательно увязывающему личное самостояние с судьбой "исторического тела" России, не было необходимости смирять свой индивидуализм перед большевистской "народностью". "Стойте в Боге" — гласил девиз "христианских социалистов", и в этом был залог их нечувствительности к примитивной социализации, залог персоналистичности бердяевского социализма. Те же, кто в уме упразднял "общество", обнаружив его революционную "предметность", рисковал подменить акт социального познания — актом морального признания. В результате, вспоминал Бердяев, "я порвал отношения с моими старыми друзьями В. Ивановым и М. Гершензоном, так как видел в их поведении приспособление и соглашательство". И далее: "Думаю сейчас, что я был не вполне справедлив, особенно относительно М. Гершензона"⁵. Ведь философские грехи не входят в ряд смертных.

В настоящую публикацию вошли все известные письма Бердяева к Гершензону: в них лучше чем в каких бы то ни было мемуарах, отразилась живая духовная история их взаимоотношений.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в ОР РГБ (Ф. 746. К. 28. Ед. хр. 31): N 1 — Л. 1; N 2, открытка — Л. 15; N 3 — Лл. 2—3; N 4, открытка — Л. 4; N 5 — Лл. 5—6; N 6, открытка — Л. 9; N 7, открытка — Л. 10; N 8 — Лл. 7—8; N 9, открытка — Л. 16; N 10 — Л. 14; N 11, открытка — Л. 17; N 12 — Лл. 18—21; N 13, "закрытое письмо" — Л. 22; N 14 — Л. 23; N 15, открытка — Л. 25; N 16 — Лл. 11—13; N 17, открытка — Л. 26; N 18 — Л. 29; N 19, открытка — Л. 31; N 20 — Лл. 32—35; N 21 — Лл. 37—40; N 22 — Л. 27.

К сожалению, для Бердяева характерны многочисленные сокращения на письме, не всегда поддающиеся расшифровке. В конъектурах дается полное и, иногда, предположи-

³ Гершензон М. Исторические записки о современности. М., 1910.

⁴ Бердяев Н. Исторические записки о современности. — "Московский Еженедельник". 27 февраля 1910, N 9, стлб. 47—52.

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991, с. 232.

тельное чтение слов. Слова, наверняка прочитанные Гершензоном, но не прочитанные публикатором, отмечены особо. В тексте постоянно упоминаются жены корреспондентов: Лидия Юдифовна Рапп (1874—1945) и Мария Борисовна Гольденвейзер (1873—1940).

М.А. Колеров

Париж. 9—22 февраля

<1908>*

1

Многоуважаемый М.О.! Хотя у меня осталось неприятное чувство по отношению к "Кр<итическому> Об<озрению>"¹, но оно, конечно, не распространяется на Вас и на Ваш отдел². Отзыв о книжке С<ергея> Н<иколаевича> "Маркс как религиозный тип" я напишу³. Не могу Вам обещать, что моя статейка приедет к 20 февралю, но, во всяком случае, напишу скоро. "Крит. Обозр." я давно не видел и не знаю, в каком духе оно ведется, но предполагаю, что журнал принципиально стоит на почве терпимости и допускает выражение разных мнений, в том числе и моих. Книжка Булгакова у меня сейчас под рукой.

С почтением Ник. Бердяев

Мой адрес: Париж. rue Leopold Robert, 3.

2

Ст. Люботин, Южных дорог,
имение Трушевой⁴.
28 Декабря <1908>*

Многоуважаемый М.О.! Написал уже значительную часть статьи для сборника об интеллигенции⁵. Указания Ваши относительно того, какова должна быть статья согласно редакционному плану, будут мною приняты во внимание. Свои положительные взгляды я выскажу в самой минимальной степени, лишь поскольку это необходимо для моей точки зрения на предмет. В статье не будет резкостей и крайностей. Я буду, конечно, иллюстрировать примерами, как искажались в сознании интеллигенции европейские философские учения. Но цитат я не могу никаких приводить, так как не имею под руками никаких материалов. Да и думаю, что цитат не нужно, так как статья в 1—1½ листа не может быть обстоятельным историческим исследованием. Всего более я останавливаюсь на психологических причинах, которые делали невозможным для интеллигенции объективное отношение к философии и объективный к ней интерес. Это традиционная психология создания истории, но теперь должна быть реформирована. К 15 Января доставлю Вам статью лично, так как к 10 Января буду в Москве.

Преданный Вам Ник. Бердяев

* по штемпелю.

Ст. Люботин, Южных дорог,
имение Трушевой.
14 Мая <1909>

Дорогой Михаил Осипович! Корректуру своей статьи для 2^о изд. "Вех" уже отослал Вам без всяких изменений, вставил только два примечания⁶. Вам же я хотел посоветовать ни в коем случае не выбрасывать той резкой фразы о гневе народном и правительственных штыках, которая вызвала такое негодование против Вас⁷. Если бы эта фраза оказалась во втором издании выпущенной, то это произвело бы впечатление трусости. Самое лучшее было бы, если бы Вы сделали к этой прославившейся фразе разъяснительное примечание⁸. Как Вам понравилась статья Мережковского о "семи смиренных"?⁹ Пр-моему, очень слабая и скверная статья, смесь риторики с демагогией, стиль холодно-истерический. Но "Вехи" становятся почти историческим событием. Особенно сильное на меня произвело впечатление письмо к авторам "Вех" Архиепископа Антония¹⁰. Это очень сложное событие, в котором ес<ть> и положительные и отрицательные стороны. Меня так это волнует, что я решил напечатать открытое письмо Антонию¹¹, от себя лично и иначе, чем письмо Струве¹², так как позиция моя совсем иная. Вчера заезжал ко мне на один день в деревню Сергей Николаевич по дороге в Крым. Мы много с ним говорили, но он не предполагает отвечать Антонию в печати, так что отвечать буду только я в качестве не только христианина, но и принадлежащего к Церкви. Сознаю, что писать будет нелегко.

Обращаюсь к Вам за советом по следующему поводу. У меня есть целый ряд статей по общественной психологии, напечатанных в течение последних двух лет главным образом в "Рус<ской> Мысли", "Москов<ском> Еженед<ельнике>" и "Слове", статьи по психологии интеллигенции и революции, по вопросам национальному и церковному и по поводу некоторых литературных явлений. Я хотел бы теперь собрать эти статьи и издать книгу листов в 12—15, которая представила бы некоторое единство. Книга эта по темам и по духу оч<ень> близка к "Вехам". Успех "Вех" позволяет думать, что издание подобной книги было бы вполне своевременным. Не посоветуете ли мне какого-нибудь издателя для моей книги?¹³ Очень жалею, что не подумал об этом, когда был в Москве. После банкротства Пирожкова¹⁴ у меня нет связей с издателями. Сообщите также, когда, по Вашему мнению, я мог бы перепечатать свою статью из "Вех" без ущерба для 2^о издания?

На каких условиях выходит 2^о издание? Получат ли авторы гонорар¹⁵, какой и когда? Мне хотелось бы это знать, так как по обычаю я нахожусь в очень затруднительном материальном положении.

Булгаков сообщил мне о религиозном разговоре, который имел с Вами и Франком¹⁶. Разговор этот показался мне очень значительным и интересным. Привет Вашей жене. Моя жена просит Вам кланяться.

Ваш Николай Бердяев.

Ст. Люботин, Южных дорог, имение
Трушевой.
23 июня <1909>

Дорогой Михаил Осипович! Спешу ответить Вам, что я согласен на 3^е издание "Вех". Думаю только, что лучше ограничиться 3 тысячами экземпляров. Изменений я делать не буду, так что мне можно не присылать корректуры. Признаюсь, не ожидал я, что так скоро разойдется 2^о издание, да еще летом. Мне даже начинает приходиться в голову мысль, что, быть может, назрело время для создания нового журнала¹⁷. Я Вам на днях вышлю книгу Джемса¹⁸, которую Вы хотели иметь. Всего лучшего.

Предан<ный> Вам Никол. Бердяев.

Ст. Люботин, Южных дорог, имене
Трушевой.
4 Августа <1909>.

Дорогой Михаил Осипович!

Спешу ответить на Ваше письмо. Боюсь, что с "Вехами" начинается какая-то психопатия или мода, у нас все ведь так. Но я все-таки верю в более медленное положительное действие "Вех". При такой быстроте распространения 3го издания, конечно, нужно приступить к 4^{ому} изданию. Полагал бы ограничить <ся> 3000 экземпляров, скорее даже меньше, чем больше. Библиографию "Вех" было бы полезно поместить в 4ом издании. Что касается неприлично большого гонорара, то мысль о нем меня скорее утешает, чем огорчает, так как мои материальные дела неприлично плохи. Кажется, я нашел возможность издать сборник своих статей и хотел бы знать Ваше мнение, удобно ли будет поместить в сборнике статью из "Вех", если он выйдет в конце Ноября или начале Декабря. Для меня важно было бы поместить эту статью, но я хочу считаться с интересами сборн<ика> "Вехи". Для 4го изд. я никаких перемен не буду делать. Вышла книга В. Иванова "По звездам" (сборн. стат.)¹⁹. Если хотите, то я напишу для "Крит. Обзор." рецензию об этой книге²⁰. Сообщите, согласны ли. Эту зиму буду жить в Москве и приеду, верно, не раньше начала Октября. Кроме задуман<ной> мною философ<ской> работы о знан<ии> и вере, предполагаю скоро написать статью о Гюисмансе и католической мистике (прочу в религ.-филос. общество)²¹.

Привет Вам и Вашей жене от Лид<ии> Юд<ифовны> и от меня. Сообщ<ите>, когда возвр<ащаетесь> в Москву.

Ваш Ник. Бердяев.

P.S. В газете "Приазовский Край" была напечатана оч. сочувственная статья о "Вехах" за подписью М. Шагинян. Каж<ется>, в Июне или Июле²².

Ст. Люботин, Южных дорог,
имени Трушевой
27 Сентября <1909>.

Дорогой Михаил Осипович! Посылаю Вам для "Крит. Обзор." статейку о книге В. Иванова²³. Раньше написать не мог, должен был совершить путешествие в Крым и был в неблагоприятных условиях для писания. Гонорар за "Вехи" получил. Архиепископ Антоний ответил мне в "Колоколе" на мое открытое к нему письмо²⁴. Антон<ий> интересно прочел этот ответ. Что же с 4 издан. "Вех"? В Москве буду в конце Октября.

Ваш Ник. Бердяев.

Ст. Люботин, Южных дорог, имене
Трушевой.
9 Октября <1909>.

Дорогой Михаил Осипович! В философском отделе "Крит. Обзор.", наверное, не согласились поместить моей рецензии об В. Иванове. Поэтому очень прошу Вас передать мою статейку С. Котляревскому²⁵ для "Мос. Ежен.". Только, пожалуйста, напишите в заглавии «О книге Вячеслава Иванова "По звездам"», т.к. в "М.Е." нет библиографии. Скоро увидимся. Всего лучшего.

Ваш Ник. Бердяев.

*Ст. Люботин, Южных дорог, имение
Трушевой.
5 Августа <1910>.*

Дорогой Михаил Осипович! Очень рад был получить от Вас весть. Сам не мог Вам написать, так как не знал Вашего адреса. Это лето много у меня было всяких неудач и неприятных впечатлений, но работал много. Написал три больших главы религиозно-философской книги, в которую войдут и мои этюды из "Воп<росов> фил<ософии> и псих<ологии>"²⁶. С осени буду печатать книгу. Кроме того, погрузился в изучение славянофильства, и занятия эти очень много мне дают. Много для себя нужного я нашел в "Биографии Кошелева" Колюпанова²⁷ и в большом труде Завитневича о Хомякове²⁸. Перечитал Киреевского, Самарина, Аксакова, хотя главная моя цель — Хомяков²⁹. Продолжаю думать, что Хомяков самый большой человек в славянофильском лагере, человек необыкновенно одаренный, хотя Киреевский, быть может, симпатичнее. История русского самосознания XIX века, предмет Ваших специальных занятий — очень увлекателен и помогает уяснить собственное самосознание. Прочел я "Серебряный Голубь" А. Белого, и впечатление у меня такое сильное, что я решил написать статью по поводу книги Белого³⁰. От "Серебряного Голубя" на меня пахнуло народной жизнью и великой русской литературой. Тут новое русское искусство окончательно преодолевает декадентство и создает большее, замечательное произведение. О сборниках, московском и петербургском, ничего не слышно³¹. Я не написал еще статьи ни для одного, ни для другого сборника. Сергей Николаевич, по-видимому, тоже ничего не написал³². От С.Н. имел всего одно письмо, в котором ничего особенного не было. Он чувствует себя сносно и работает. Спешите с С.Н. по поводу устройства Ремизова³³ в Крыму. Может быть, он что-нибудь посоветует. У меня никаких связей нет. Получил известие из Москвы, что "Московский Еженедельник" в Сентябре прекращается³⁴. Этого следовало ожидать, такое существование не могло долго продлиться. А все-таки писать нам негде, и Вам, и мне, и многим. С одной "Рус. Мыс." далеко не уедешь³⁵. Возможно, что в середине Августа мы поедем на месяц в Судак. В Москве будем, вероятно, в начале Октября. Мои материальные перспективы так печальны, что не знаю, как быть. Лидия Юдифовна передает сердечный привет Вам и Марии Борисовне. Всего лучшего.

Ваш Никол. Бердяев.

Писать мне все время можно по Люботину адресу.
Возвращаю Вам <нрзб.> с благодарностью.

*Ст. Люботин, Южных дорог,
усадебка Трушевой.
22 июля <1914>.*

Дорогой Михаил Осипович! В Москве ли Вы? Есть ли уже кто-нибудь в Москве из общих приятелей и знакомых? Через неделю предполагаю приехать в Москву на время, чтобы подготовить возможность хоть как-нибудь существовать, так как теперь моя многочисленная семья лишается всяких доходов. Я переживаю этот мировой пожар как провиденциальный и неизбежный, и, вероятно, мы (и весь мир) выйдем из него возрожденными. Подлинный мир может быть достигнут лишь через войну. Буржуазный мир ничего не стоил, был ложью. Сейчас вся душа жаждет победы России над немцами. Напишите мне.
Привет от Л.Ю.

Ваш Никол. Бердяев.

Люботин, 14 Ноября <1914>.

Милый Михаил Осипович! Очень прошу Вас доставить прилагаемое письмо каким-нибудь образом Шестову³⁶. Письмо важное, а адреса Шестова я не знаю. Предполагаю, что Вы знаете, где он живет, или легко можете узнать. В Москву я предполагаю приехать в конце Ноября. Остановлюсь, вероятно, у Жуковских³⁷. Буду читать лекцию 9 Декабря.

Очень меня тронули Ваши заботы о моей книге. Всего охотнее я бы издал книгу в "Мусагете". К Турбину³⁸ не очень хочется обращаться. Все это обсужу по приезде в Москву и тогда постараюсь найти какой-нибудь выход. Очень хотел бы приступить к печатанию книги. Спасибо Вам за желание помочь мне. К нам приезжала на несколько дней Вера Степановна Гриневиц³⁹. Она заражена идеей журнала, в котором я должен быть редактором. Я большой скептик в такого рода делах. Но все-таки поговорим об этом в Москве. Получил интересное письмо от Булгакова в ответ на мое послание. Сейчас занят составлением лекции.

Привет Вам от Лид. Юд. и Марье Борисовне привет. До свидания. Преданный Вам Николай Бердяев.

На прошлой неделе умер мой брат⁴⁰, вся жизнь которого была сплошным несчастьем и страданием. Много тяжелого пережито и передумано в связи с этим.

Люботин, 20 Января <1915>.

Милый Михаил Осипович!

Давно ничего о Вас не знаю, да и вообще из Москвы мало имею вестей. Неудача у меня с изданием книги в "Мусагете"⁴¹. Нужно искать другого издателя. В начале февраля все-таки, вероятно, приедем в Москву с Л.Ю., хотя вопрос о моей лекции еще не решен. Три стихотворения Л.Ю. приняты в "Рус. Мыс."⁴² Я напечатал в "Бир<жевых> Вед<омостях>" статью о Розанове⁴³. Готовлю уже книгу. Живем тихо и сосредоточенно. А что у Вас нового?

Привет Вам от Л.Ю. и Марье Бор. привет.

Ваш Никол. Бердяев.

Люботин, 7 июля <1915>.

Дорогой Михаил Осипович! Давно уже я хочу написать Вам по поводу некоторых мыслей, высказанных Вами в письме к Лидии Юдифовне. Я имею в виду то, что Вы сказали о неполноте опыта Христа. Меня это взволновало. Тут обнаруживаются глубокие различия в чувстве жизни. Я прежде всего думаю, что опыт Христа не был, не мог быть и не должен был быть средним и типическим опытом человеческого рода. Христос — человек второго рождения, а не первого рождения, рождения в духе, а не в плоти и крови, личность, а не член рода. Христианство есть выход из жизни человеческого рода и из природного порядка в иную жизнь, жизнь богочеловечества, и в иной порядок. Христианство есть прежде всего откровение свободы в духе. Страдание и мука жизни, ужас смерти вбираются внутрь и переживаются как вольная Голгофа, а не как навязанная и насилующая необходимость. Христос победил смерть, потому что он пережил ее не как внешний, насилующий факт природного порядка, а как внутренний момент самой жизни, как свободное принятие крестного распятия. И для Христа не существует природной жизни человеческого рода, как жизни внешней, навязанной и необходимой, той жизни, в которой господствуют элементарные, биологические процессы размножения и питания. Жизнь человеческого рода на природных основах размножения и питания есть ветхозаветная или языческая жизнь. Человек должен вторично родиться не в роде, а в духе. Плоть и кровь не наследует вечности. В моем интимном переживании Христа самое существенное то, что Христос преодолел род, вышел из родовой жизни и выводится из нее. Нет никакой загадки в том, что в опыте Христа не было

рождающего пола. Совершенный, вторично рожденный в духе Человек не может иметь опыта родовой половой жизни в которой лик человеческий всегда раздавлен и растерзан. Но есть загадка и тайна в том, почему в жизни Христа не было эротической любви, которая всегда ведь есть явление личное, а не родовое. Для себя я разрешаю эту загадку в том смысле, что Христос, как совершенный Человек, — Андрогин. Андрогинизм же я понимаю так, как понимал его Яков Беме. Эта тема очень большая, о которой трудно говорить в нескольких словах. Вопрос о хлебе насущном решается в опыте Христа как достижение величайшей легкости, беззаботности и свободы. Неужели Вы хотели бы, чтобы совершенный человек, вторично рожденный в духе, преодолевший родовую необходимость, переживал заботу о хлебе насущном, как тяжесть, трудность и муку? Почему Вы хотите приковать опыт челове<че>ской жизни к элементарным, биологическим, родовым процессам питания и размножения? Все великое в жизни человечества, все гениальное, святое, творческое, пророческое, зачинающее новую жизнь было свободно от тяжести элементарных процессов родовой жизни. На великих, на гениальных, на пророков и творцов всегда негодовали за то, что они так отрываются от типической, средней родовой жизни, что для них открытие новых миров было более настоящей жизнью, чем забота о хлебе, о семье, о детях и жене, о насущном и элементарном. Их гнали за это. Задача человеческой жизни — окончательно освободиться от всего элементарно-насущного, хлебного, трудового, семейного, биологически-родового, окончательно перейти в свободу, в творчество, в высшую легкость, в вечное зачатие новой жизни и вечное открытие новых миров. Путь к этому лежит через Голгофу, через вольное распятие, без которого нет творчества, нет нового рождения. Для Вас как будто бы настоящая жизнь есть жизнь почвенно-родовая, элементарно-биологическая, трудовая забота о хлебе, любовь к детям, к жене и пр., и пр. И Вы как будто бы относитесь подозрительно и скептически ко всему избыточному, к творчеству, к идеям, ко всему оторвавшемуся от биологически-родовой основы. Отсюда Ваше народничество, Ваш своеобразный натурализм и некоторый морализм. Я знаю, что у Вас это очень сложно, противоречиво и что в Вас есть и совсем другое. Но во мне всегда вызывает глубокий внутренний протест Ваше особенное уважение к элементарному, природному, трудовому как к настоящей жизни и Ваше скептическое презрение к сложному, свободному, избыточному как к ненастоящей, выдуманной жизни. Часто мне кажется, что Вы говорите: "Пустяки и выдумки все эти идеи, творчество, литература, философия, открытия и откровения и пр., и пр., все это надстройка над жизнью. Сама же существенная жизнь в элементарных человеческих чувствах, в труде, в хлебе, в детях, в самом простом". И Вы ведете борьбу с собственной сложностью, с своим эстетизмом, с своей литературностью и своей любовью говорить об идеях. Меня возмущает, что Вы почти стыдитесь того, что Вы писатель, и пишете, что Вы так заняты литературой. У меня как раз наоборот. Я очень стыжусь всего элементарно-биологического, всего природного, родового. Все это я всегда ощущаю как призрачное, не подлинное, как тяжелый кошмар, как плен. С детских лет чувствовал я себя всегда врагом рода человеческого, отщепенцем родовой жизни. Всю плотскую жизнь человеческого рода я способен воспринимать лишь эстетически, лишь со стороны формы. С биологически-родовой точки зрения я безнадежный декадент. Только творчество я ощущаю как жизнь. Я напал на Вас, но, право, из дружбы и любви. Это время меня очень волнует и мучит война. Очень нам трудно, большие испытания. Кое-что писал. Но "Биржев. Вестн." стали очень неохотно меня печатать. В Августе нам, наверное, уже нужно будет устраивать в Москве квартиру. Во внешней жизни у нас очень много тяжелого и трудного. Живу только потому, что не ощущаю всего этого как настоящую жизнь. Но все-таки мне нелегко справиться со своей болезненной впечатлительностью и нервностью. И все-таки я постоянно переживаю возрождение к новой жизни и все в мире по-новому воспринимаю. Огорчает меня только нарастание во мне пессимизма и мизантропии. А как Вы живете, как проводите лето? Лид. Юд. сердечно приветствует Вас и Марью Борис.

Ваш *Никол. Бердяев.*

Последнее время проходит у нас в подж<ида>нии приставы для описи. Но до Августа как-нибудь доагонизируем здесь. Все это не есть жизнь, менее жизнь, чем прочитанная книга.

Люботин 17 Июля <1915>

Дорогой Михаил Осипович! Если Вы еще в Москве, то сообщите мне, там ли Лев Исакович. От него никакого ответа, а мне нужно знать, где он сейчас. Вы неверно поняли мою точку зрения. Я, вероятно, неясно ее изложил. Мой кажущийся "дуализм" есть результат моего радикального "монизма", т.е. того, что вся жизнь для меня ориентирована изнутри, из последней реальности духа. "Материя", "тело", "род", весь предметный мир, — все это не самостоятельные нуоменальные реальности, а пути духа, объективации духа. Духовная жизнь, в которую входит и вся красота телесности, может выйти из состояния связанности и закованности, которое мы называем материальной родовой жизнью. Для меня существен не дуализм духа и материи, а дуализм *свободы и необходимости*. Жизнь должна быть ориентирована изнутри, т.е. из свободы, а не извне, т.е. из необходимости, как то есть в жизни родовой. Аскетизм есть лишь метод освобождения. Чувствуем мы себя неважно. У Лид.Юд. сделался парез лицевого нерва, но сейчас уже лучше. У меня же часто бывает головокружение. Это время я поглощен войной. А как Вы живете? Привет от Л.Ю. Ваш *Ник. Бер.*

Люботин, 26 Июля <1915>.

Дорогой Михаил Осипович!

Обращаемся к Вам с просьбой. Мы с Лидией Юдифовной собираемся в Августе приехать в Москву на короткое время для нахождения квартиры. Нельзя ли будет остановиться у Вас? Об этом может быть речь в том лишь случае, если нет Марьи Борисовны и детей. У Жуковских, по-видимому, трудно остановиться, так как там квартира заставлена мебелью. А в гостиницах теперь, вероятно, и комнат невозможно найти, не говоря уже о дороговизне. Но Вы откровенно ответьте мне, не будет ли с нашей остановкой какого-нибудь стеснения. Напиши<те>, когда, по Вашему мнению, лучше приехать для отыскания квартиры, нужно ли спешить? Нам нужна квартира комнат в 7. Очень нас смущает наплыв в Москву беженцев из Польши. Может быть, из-за этого квартиру трудно будет найти и квартиры очень вздорожают. Не слышно ли чего по этому поводу? Очень трудное время и в сверхличном и в личном отношении. Сейчас я целиком поглощен войной и вопросами с ней связанными. Буду ждать от Вас ответа и совета. Привет от Л.Ю.

Ваш *Ник. Бердяев.*

Если М.Б. и дети скоро возвращаются, то вопрос о нашей остановке у Вас отпадает.

*Ст. Люботин, Южных дорог, усадьба
Трушевой, 30 Августа <1915>.*

Дорогой Михаил Осипович! У меня к Вам просьба: поговорите по телефону с кем-нибудь из Жуковских и спросите, могу ли я один по приезде в Москву остановиться у них на несколько дней. Ответ по возможности скоро сообщите мне или попросите их сообщить. Первые дни наша квартира будет неудобнообитаема, и все мы постараемся разместиться по разным местам, прежде чем привести квартиру в сколько-нибудь сносный вид. Предполагаем приехать в Москву приблизительно к 10 Сентября. Мы, кажется, очень попались: наступают такие времена, что нельзя будет довести нашу мебель в Москву. Будем сидеть в пустой квартире. Может быть, нужно будет брать напрокат мебель или покупать необходимое. Спасибо за помощь, оказанную Вами и Мар. Бор. Лид. Юдифовне. Ваш Николай Бердяев.

Не прямо обращаюсь к Жуковским, т.к. не знаю, в Москве ли они.

Дорогой Михаил Осипович! Очень рад был получить от Вас весть. Я живу в деревенском уединении и ни о ком ничего не знаю. Вашему настроению я кое в чем глубоко сочувствую, а кое в чем буду решительно против Вас возражать. Сочувствую я Вашей реакции против разговоров у Вяч<еслава> Иван<овича>⁴⁴. У меня тоже есть эта реакция, но выражаю я ее иначе, чем Вы. Я не враг утонченности, сложности, изощренности и думаю, что утеря первоначальной простоты и элементарности неизбежна и благостна. Мы не можем удержать натурального хозяйства и не должны возвращаться к натуральному хозяйству. В этом правы марксисты, а не народники. А в Ваших словах и Ваших печалях я постоянно чувствую религиозное народничество. В духе совершается процесс аналогичный хозяйству. "Натуральное хозяйство" духа, первоначальная цельность, простота и элементарность разлагаются развитием духа, и в этом мучительном процессе есть освобождение духа от натурализма, от прикованности к материальной ограниченности и материальной органичности. Мне думается, что религиозное народничество есть вместе с тем религиозный натурализм. Я чувствую и у Вас желание, чтобы духовная жизнь была биологична. Это — неосуществимая и задерживающая утопия, обрекающая на вечную печаль о безвозвратно утерянном. Дух и мысль должны оторваться от своей материальной биологической основы и найти свою более глубокую почву, уже не натуралистическую. Я не хочу массивного мышления, потому что массивное мышление — тяжелое и связанное. Мышление же должно быть свободное и вносить в мир свободу. Массивное мышление — биологическое, это — "натуральное хозяйство". А я не хочу прикрепленности духа к натуралистическим формам и не верю в правду, которая исключительно привязывается к биологической и социологической элементарности. От лжи сложной культуры (а ложь поистине велика) нельзя спастись в натуралистической элементарности крестьянской жизни и т.п., а спастись можно лишь в глубине духа, из которой сотворится новая жизнь. Но я хочу, чтобы мышление наше было существенным и правдивым (в этом истинное зерно Вашей "массивности"), более углубленным и независимым. У меня есть мучительная реакция против лжи и желание правды. Наше поколение как-то бессознательно изолгалось и с большой охотой эстетически приняло всякие лжеимянные святыни, из духовного младенчества и из несвободы склонилось перед относительным и условным вместо абсолютного. С упоением перечитывал "Война и мир" и как-то по-новому почувствовал гениальность Толстого, который художественно изобличает ложь и неправду всей этой выявленной, зримой жизни, всех "святынь" этой жизни мира. Настоящая правда в незримом и невыявленном, Царство Божие незримо приходит. И беда не в утонченности и сложности мысли (в сложности князя Андрея больше правды, чем в элементарности Николая Ростова), а в ложной возвышенности, в изолгавшейся священности. Нехорошо, напр., злоупотреблять Богородицей для действия армии на войне, нехорошо провозглашать чудо там, где происходят самые натуральные вещи, нехорошо прикреплять священные ярлыки к самым земным вещам. Эти возвышенные и священные разговоры, в которых "мистична" всякая пакость, утомительны и вызывают реакцию. Хочется правды. Я очень много живу в деревне, в уединении. Если и вижу людей, то таких, как наши соседи художники, ушедшие от мира и культуры, далекие от призрачных ценностей литературного мирка. И я чувствую и большую реакцию против литературного мира и свободу от этой реакции, так как менее прикован к этому миру. Труднее всего освободиться от реакции против самого себя, пока всего мучительнее. Мучат собственные литературные прегрешения в несметном провозглашении ложных святынь, недостаток чистоты и кристалльности собственного христианства. Вот и вышло у меня что-то вроде философского послания. И Булгакову пишу послание с разными правдами для него специально.

В Москву мы переедем не раньше Января. Дела наши по-прежнему в очень невыясненном и плохом положении. Я, может быть, приеду в Москву в конце Ноября недели на полторы. Возможно, что буду читать лекцию. Меня постигло большое огорчение, которое Вы мне предсказывали. Некрасов отказывается ввиду войны напечатать книгу⁴⁵ и хочет совсем от нее избавиться. Не знаю, что делать с

книгой, которую очень хотел бы выпустить, она и так залежалась. А я уже окончательно обдумал план новой книги и сейчас очень им воодушевлен. Моя статья в "Биржев. Ведом." была сначала совсем запрещена, а потом появилась с искажающими цензурными купюрами⁴⁶. Написал несколько статей, но постоянно работать в газете не смогу. Что же наши планы сборников? По-видимому, все заглохло. А хорошо было бы выпустить хоть один сборник. Очень мне трудно жить, совсем не могу выносить никакой зависимости и совсем не могу приспособляться. Лид. Юд. передает Вам и Мар. Бор. сердечный привет. Я сейчас впервые переживаю красоту поздней осени и в душе своей чувствую наступление осени. Может быть, увидимся в конце Ноября.

Ваш Николай Бердяев.

17

Ст. Люботин, Южных дорог,
усадебка Трушевой.
28. Июля <1916>.

Дорогой Михаил Осипович!

Где вы и как живете? Пишу на всякий случай в Москву. Мы живем сравнительно тихо и спокойно. Внешне ничего нового и интересного у нас нет. Заезжал к нам Столпнер⁴⁷, с которым у меня были очень жестокие споры. Получил письмо от Сергея Николаевича, которое мне было очень приятно. Он отнесся очень хорошо, с большим беспристрастием к моему этюду о нем (в Июньской книге "Р.М.")⁴⁸ и даже благодарит за то, что я с таким вниманием характеризовал его. Очень хорошо, что ты написал о Закржевском⁴⁹. Сейчас я пишу философскую статью по поводу книги Франка для "Воп. Фил. и пс."⁵⁰. Больше же всего думаю над темой: "религия, мистика, оккультизм". Быть может, буду зимой читать об этом. Война в деревне волнует больше, чем в городе. Поджидаем газеты с нетерпением и волнением. Лето у нас холодное, особенно вечера, совсем как на севере. Приблизительно к середине Сентября предполагаю возвратиться в Москву. Как вы проводите лето? Привет от Лид. Юд. Поклон Марии Борисовне.

Преданный тебе Николай Бердяев.

18

Москва, 14 Июня <1917>.

Дорогой Михаил Осипович!

Теперь только окончательно оформилось издательство Московс<ко>й Просветитель<ско>й комиссии при временном комитете Госуда<рст>в<енно>й Думы⁵¹. Если ты не раздумал, то пиши ту брошюру о социализме, о которой ты мне говорил, и высылай мне. Платформа, на которой будет стоять издательство, такова: решительное признание социального реформизма, эволюционно-реформаторского социализма на этической почве и решительное отрицание классового, революционного социализма, разжигающего классовую ненависть и раздирающего национальное единство. Борьба с большевизмом и максимализмом — одна из целей издательства. Подчеркивание необходимости и важности духовного воспитания и перерождения народа — центральная задача. Социальное реформирование общества должно быть согласовано с утверждением единства и целостности России. Брошюру нужно писать для широкой полуинтеллигентной массы. Размер — один лист, не более полутора листа. Гонорар хороший, за брошюру можно получить больше 1000 руб. (один лист), если будет издано 100000 экземпляров. Вот и все. Всего лучшего.

Преданный тебе Николай Бердяев.

Москва, 21 Сентября <1917>.

Дорогой Михаил Осипович! До сих пор не ответил тебе по поводу твоей брошюры о Герцене⁵², потому что с начала осени уезжал из Москвы на две недели, а потом уезжал редактор брошюры Н. Н. Алексеев⁵³. Решение этого вопроса не зависит от меня. Я передал твое желание переиздать брошюру о Герцене. Но дело в том, что комиссия принципиально не переиздает старых вещей, она издает только брошюры специально написанные. Да и теперь мы не предполагаем более издавать брошюр, так как спрос на них прекратился, будем издавать книжки в 6—10 листов. Хочу тебе с великой благодарностью отдать 300 р., но не знаю, посылать ли деньги или ждать твоего возвра<щен>ия. Л. Ю. и Е<вгения> Ю<дифовна>⁵⁴ кланяются.

Преданный Николай Бердяев.

<Москва>, 29 Сентября <1917>.

У меня осталось тяжелое впечатление от вчерашнего, и у меня явилась потребность прямо высказать тебе, Михаил Осипович, то, что лежит у меня на душе. Это легче сделать письменно, так как при личном разговоре люди перебивают друг друга и не дают возможности высказаться до конца. Я считаю совершенно недопустимым суд над моей нравственной личностью и сыск в душе моей, которые ты признаешь для себя возможным публично производить. Меня давно уже возмущает твоя манера по поводу всякого идейного и общественного спора нравственно судить личность и вторгаться в душу другого человека. Ты это делаешь уже не в первый раз. Я это считаю вообще недопустимым и никак не могу допустить этого по отношению к себе. Сам я отличаюсь крайней резкостью и раздражительностью в спорах, но я не произношу нравственного суда над личностью и не вторгаюсь в чужую душу. Когда я так резко и раздраженно нападаю на революционную интеллигенцию, я имею дело с общественным и историческим явлением, с известным мирозерцанием и с противными мне идеями, а не с душой стоящего передо мной человека. Ты же ни о чем не можешь говорить, не задевая душу человека и самых интимных ее сторон и не произнося нравственного суда над личностью. И это создает для меня невыносимую атмосферу общения. Я допускаю самое резкое и крайнее нападение на мои идеи, на мое мирозерцание, но не допускаю нападений на мою нравственную личность. Анализ моей души по поводу идейных столкновений я считаю недопустимым. Сочувствую ли я страданиям народа, есть ли у меня боль за народ, это — интимное дело между мной и Богом. Я — христианин и в грехах своих отвечаю перед Богом, перед Христом и его Церковью, а не перед теми, которые ведут со мной общественные споры. То, что наши разговоры и споры не могут держаться на идейной высоте, что не отдают себя целиком самому предмету разговора и спора, не погружаются в самую тему, этот излюбленный тобой психологизм я считаю злом и деморализацией, прикрытой морализмом. Нарушается дистанция как необходимое уважение к личности. В этом отношении западноевропейские люди стоят выше русских, у них есть охранение личности от всяких посягательств, уважение к ее интимному достоянию. Это есть преимущество культуры. Ты более всего неспособен соблюдать границы интимного достояния личности и ее нравственной неприкосновенности. Ты совершенно не можешь погрузиться в предмет разговора, ты немедленно переходишь на личность. И потому с тобой никогда не чувствуешь себя в безопасности. И это нужно наконец тебе прямо сказать. Ты взял на себя прерогативы нравственного судьи и из морализма допускаешь нравственно недозволительное отношение к людям. Твое презрение ко всяким идеям представля<етс>я мне чудовищным и затрудняет разговоры с тобой. Я до конца, всерьез принимаю идеи и вижу в них величайшие реальности. И только такое не нигилистическое и не номиналистическое отношение к идеям освобождает от кошмара психологизма и морализма.

Скажу еще несколько слов по существу наших споров. Неужели ты окончательно забыл, что ты был одним из главных инициаторов "Вех", что тебе принадлежала самая резкая статья против революционной интеллигенции, к душевному облику

которой ты выражал отвращение? Это обязывает. Как случилось, что к моменту революции, когда расковалась страшная стихия и в темные массы брошены те самые идеи и настроения, которые ты беспощадно осуждал, когда подвергнуты опасности величайшие духовные ценности, ты растерял весь свой духовный багаж, плывешь по течению и употребляешь чуждые тебе уличные слова? И ты начал выкрикивать слова о "буржуазности", о "контрреволюции", "без аннек<си>й и контрибуций" и т.п., хотя слова эти пусты и пропитаны чудовищной ложью. На это больно смотреть. Ужасно, что лучшие писатели в России проявили так мало духовной самостоятельности и не нашли своих слов в самую трудную минуту русской истории. Разреши и мне быть на несколько минут моралистом. Мне не импонирует твое сантиментальное и бездеятельное народолюбие. Ты самый кабинетный, самый оторванный от общественной и народной жизни человек, какого я только знаю. Ты никогда ничего не делал для народа, всегда был антиобществен и охранял свой душевный покой от слишком тяжелых и волнующих впечатлений. Жизнь твоя прошла в разборе старых писем, рукописей и книг, и в этой области ты сделал много ценного. Если для тебя самое важное и дорогое — служение страдающим крестьянам и рабочим, то почему же ты никогда ничего не делал для страдающего народа? Я никогда от тебя ничего не слышал о социализме, о классовой борьбе и буржуазии, о вопросах социально-эко<но>мичес<ки>х. Ты почти ничего не знаешь в этой области, мало подготовлен для реш<ен>ия этих вопросов. И я утверждаю, что ко всему этому у тебя сантиментальное, лжечувствительное отношение, которое никогда не сопровождается активностью. Сантименталь<ност>ь я считаю великим злом, и она в к<он>це к<он>цов приводит к жестокости. Мы, русские, нуждаемся в другого рода нравственных добродетелях, более суровых и мужественных, в добродетели воли и закала характера, в сознании ответственности и долга, в отнош<ен>ии к родине, досто<йно>м гражданина. Я все-таки всегда был более общественным человеком, чем ты, более активным, я более, чем ты, соприкасался с людьми из народа, больше отдавал сил служению России. Поверь, что в течение этих страшных и кошмарных месяцев мне много приятнее, много душевно комфортабельнее было бы писать в тиши книгу о Я. Беме⁵⁵ и отдаваться мистическим и эстетическим созерцаниям, к которым имею прирожденную склонность, чем кипеть в адском котле обществе<нно>й жизни. Твои нервы лучше могли сохраниться, чем мои. Многие в твоих оценках я объясняю тем, что ты в сущности толстовец, не сводящий концов с концами в св<оем> миро<со>зер<ца>нии. Мне же всякое толстовство религиозно и морально чуждо и враждебно. Если ты считаешь возможным нравственно одобрять действия "револ<юционн>ой демократии" и защи<щат>ь большевиков, социал-демократов и социали<сто>в-револю<цион>еров, то между нами существует нравственная пропасть, мы молимся разным богам. Это — не политиче<ски>й, а нравст<венны>й и рели<гио>з<ны>й вопрос. Кстати, посоветуй Жилкину воздержаться от писания таких статей, какие он писал о Москов<ско>м Совещании⁵⁶. Сейчас громко говорить о людях, что они настроены контрреволюционно, то же самое, что в старом строе было делать донос о революционности, это подвергает жизнь людей опасности. Все это я должен был высказать тебе по душе<вно>й потребности, чтобы не было более недоразумений.

Николай Бердяев.

21

<Москва, 1917>

Милый Михаил Осипович! Я очень оценил тот добрый позыв и те добрые чувства, которые побудили тебя ответить на мое резкое и раздраженное письмо так, как ты ответил. Душевно это меня очень примиряет с тобой. Но по существу ответ твой меня не удовлетворяет. Прежде всего, скажу несколько слов о том, что составляло сердцевину моего письма. Ты все-таки не можешь отрицать, что у тебя есть склонность переносить всякий идейный разговор и спор на почву психологического и нравственного анализа личности, всегда граничащего с судом и осуждением. Быть может, это связано с тем, что ты принадлежишь к "партии сердца" и потому не можешь удержаться в плоскости идей. Для меня это очень тягостно. Я принципиально не одобряю вторжений в интимную личную психологию и личную нравственность и особенно не выношу этого по отношению к себе, должно быть, вследствие скрытно-

сти и гордости моего характера. Мне необходимо было прямо тебе это сказать и подтвердить. Та же черта, что и у тебя, есть и у Шестова, есть она даже у Булгакова, хотя в меньшей степени. В вашем обществе я всегда себя чувствовал западным европейцем, верящим в реальность объективного разума и объективных идей. "Партию сердца" я отвергаю по разным очень глубоким основаниям и между прочим потому, что она приводит к самым большим жестокостям, к злобному фанатизму и, в конце концов, к голоду. Накормить голодных не могут никакие революции, бунты и утопии. Накормить может лишь развитие промышленности и сельского хозяйства, л<иш>ь увеличение производительности труда и социальные реформы, согласные с объективными ценностями. Источник зла, горя и страданий жизни совсем не в том, что существует кучка эксплуататоров, помещиков и капиталистов, а в радикаль<но>м зле челове<ческо>й природы и природы мира, в низком уровне культуры, в недостаточном овладении стихийными силами природы. И неравенство было великим благом, источником творчества и культуры, оно давало максимум благосостояния. Чувство злобы и ненависти к господствующим классам я считаю нравствен<ны>м извращением, и оно недопустимо с религиозной точки зрения. Ты отрицаешь грешность челове<ско>й природы, ее звериность, неизбе<жно>сть для нее жить в государстве<нно>й, церков<но>й и культур<но>й дисциплине, т.е. под законом. Счастье на этой земле невозможно, но для минимума человеческого благосост<оян>ия и челове<ческо>й жизни необходимо государство и его орудия принуж<ден>ия, необходим правовой порядок, необходима цивилизация с ее нормами. Без этого жизнь человекес<ка>я превратится в звериный хаос и ад. В России и начался звер<ины>й хаос и ад, обнажается греховная природа человека, которая может жить лишь в суров<о>й государственности. Жестокость государственности и цивилизации е<ст>ь все-таки максимум человеколюбия и гуманности, ибо эта жестокость противится звер<ино>й жестокости, взаимному истреблению и истреблению ценнос<те>й, которые только и делают человека человеком. Я суров<ы>й государственный, потому что я религиозный пессимист, по мотивам аскетическим, и социальная мечтательность представляется мне развратом и нравственной распущенностью. Мне всегда были омерзительны утопии, все казались они глупыми и распущенными, более уродливыми, чем старый меч государственный. Ты освящаешь социальную зависть и месть низших классов общества. Это нравственно недопустимо для человека, который стоит на духовной почве. Ты с отвращением упоминаешь имя Н.Н. Львова⁵⁷. Я его давно знаю и в последнее время часто с ним встречаюсь. И скажу тебе, что он нравственно выше и благороднее больш<е>й части представит<еле>й "револю<ционно>й демократии". Я нравственно и эстетически не могу допустить отношения к дворянам и помещикам, как к злодеям и подлецам. Это оскорбление памяти моего отца и матери, моих дедов и прадедов, которые были дворяне и помещики и все-таки были благородными людьми и в свое время носителями высшей культуры. И промышленники не злодеи, а создатели материаль<но>й культуры, необходимой для народа и государства. Я убежден в том, что буржуазия сейчас в России более прогрессивна, чем рабочий класс, и более связана с интересами целого. И ее нужно не проклинать, а направлять и облагораживать. Кто же как не твоя "партия сердца" напоила Россию злобой и ненавистью. Это она призывает к резне и жаждет крови, она отри<ца>ет неотъемлемые права человека. "Партия сердца" порождает жестокость, погромы, самосуды, насилие над своей личностью, над словом и над жизнью, разделяет русс<ки>й народ на два враждебных лагеря. Неужели "кадеты" проповедуют жестокость? Кадеты повинны л<иш>ь в слабости и попустительстве. Меня ужасает отсутствие нравственной чуткости в тв<оem> восприятии русс<ко>й действительности. "Партия сердца" толкает русс<ки>й народ к позору, униже<ни>ю, голоду и звери<но>му состоянию. Человек — дикий зверь, если он не несет в себе высших ценнос<осте>й, не творит их и не подчи<няе>т себя им. Личность только нач<инает>ся с того момента, когда в ней е<ст>ь ценное содержание. Христи<анст>во признает бесконечную цен<ност>ь челове<ческо>й души и придает мало цены звериной жизни человека на этой земле. Эмпирическое существо человека не имеет абсолютн<ого?> значения, значение имеет ли<ш>ь боже<ст>в<ен>ная душа в человеке. т.е. ценность. Личн<ост>ь и цен<ност>ь — одно. Партия цен<носте>й и партия личности — одна партия. Ты очень ошибался, если думал, что для большевиков существует личность. Они всякую личность готовы принести в жертву своему

идолу всемирного социализма, они никогда не видят лика человеческого, не знают души челове<ческо>й. Все фактические комму<нистич<еск>ие движ<ени>я всегда отрицали лично<ст>ь. Личность существует для "партии идей". Служить ценности е<ст>ь служить Богу, без которых <?> нет личности. Все религии мира ставят ценности выше личного блага и требуют жертв от личности во имя дост<оинс>тва личности. "Партия сердца" антирелигиозная партия, она отрицает жертву. Низшим во имя высшего. Этот соблазн Велик<ого> Ин<к>визи<то>ра, отриц<ан>ие свободы действительной во имя блага и счастья, всего призрачного. Нравстве<нност>ь осн<о>ва<на> не на сердце, на воле, на долге, на жертве. Но жертвенное служение ценностям дает и минимум блага людям, оно и кормит людей. Нет двух начал, а вечно одно — абсолютное добро, ценно<ст>ь, Бог. Ты же хо<чеш>ь сидеть между двумя стульями. И копаться в сомнении <?> гамлетизма. Ты не хоч<ешь> пожертвовать св<ое>й чувствительности лож<но>й сострадательностью, а это долг человека. В<нрзб> что. Ты забыл, что всю весну говорил мне о "контрреволю<ционнос>ти" и "бур<жу>азности" и даже обвинял меня и Ст<ру>ве в желании спасти "буржуазию от кар рев<олю>ции". Это вызвало во мне нравственное отчуждение от тебя. В течение страшного времени нужно б<ыт>ь нравственно вместе в основ<ании> ценн<ост>и жизни. Ты же в др<уго>м лагере, в лагере господствующем. Прости, если написал тебе что-нибудь несправедливое. Я не хотел бы ссориться.

Ник. Бердяев.

22

Москва, 18 Декабря <1917>.

Михаил Осипович! Мне очень неприятно, что я до сих пор не вернул своего долга. Это объясняется тем, что я с Сентября месяца не могу получить гонорара за статьи в "Народоправстве"⁵⁸, что меня ставит в затруднительное положение. Поступление средств, необходимых для этого журнала, обставлено очень ненормально, и это создает очень много затруднений. Я изо дня в день надеялся получить следуемые мне деньги и вернуть беспокоящий меня долг, но теперь выяснилось, что в ближайшее время нельзя вообще реализовать деньги. Как только получу деньги, немедленно же возвращу свой долг. Пока же прошу простить мне задержку.

Николай Бердяев.

Примечания

¹ "Критическое Обозрение" — "серия периодических сборников", издававшаяся в 1907—1909 гг. Комиссией по организации домашнего чтения на средства ее руководительницы Е.Н. Орловой, под редакцией М.О. Гершензона, Б.А. Кистяковского, П.П. Гензеля, Н.Д. Виноградова, Д.М. Петрушевского и Н.К. Кольцова.

² Гершензон возглавлял в "Критическом Обозрении" литературный отдел.

³ Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944). Отзыв Бердяева о брошюре Булгакова "Карл Маркс как религиозный тип" (СПб., 1907) см.: "Критическое Обозрение" 1908, вып. IV(IX), с. 84—88.

⁴ Ирина Васильевна Трушева (1858—1939) — теща Бердяева.

⁵ Имеется в виду планируемый "сборник статей о русской интеллигенции", в начале марта 1909 г. получивший название "Вехи".

⁶ В мае 1909 г. Бердяев отправил Гершензону "закрытое письмо": "Многоуважаемый Михаил Осипович! Возвращаю Вам корректуру св<ое>й статьи. Существенных изм<ене>ний я в ней сделать не могу, но вставил несколько примечаний, которые могут предотвратить недоразумения. Будет ли еще корректура? Ваш Ник. Бердяев" (ОР РГБ. Ф. 746. Оп. I. К. 28. Ед. хр. 31. Л. 41).

⁷ "Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом..." — В переизданиях "Вех" эту фразу Гершензон не снял, но в сборнике "Исторические записки о современности", вышедшем в свет в декабре 1909 г. и включившем "веховскую" статью, все же изъял ее из текста.

- ⁸ Такое примечание было сделано.
- ⁹ Д. Мережковский. Семь смиренных. — "Речь", 26 апреля 1909 г. — Доклад, прочитанный 21 апреля в Религиозно-философском обществе.
- ¹⁰ Архиеп. Антоний. Открытое письмо авторам сборника "Вехи". — "Слово", 10 мая 1909.
- ¹¹ Н. Бердяев. Открытое письмо архиеп. Антонию. — "Московский Еженедельник", N 32, 15 августа 1909.
- ¹² П. Струве. Ответ архиепископу Антонию, — "Слово", 10 мая 1909.
- ¹³ Имеется в виду книга Бердяева "Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии" (СПб.: товарищество "Общественная польза", 1910).
- ¹⁴ Михаил Васильевич Пирожков — владелец издательства (Петербург), в котором выходили журналы П.Б. Струве "Полярная Звезда" и "Свобода и Культура", сочинения Д.С. Мережковского и др. В его издании вышла книга Бердяева "Новое религиозное сознание и общественность" (СПб., 1907).
- ¹⁵ Гонорар сотрудникам сборника "Вехи" выплачивала контора "Критического Обозрения". Бердяев получил 320 рублей 4 сентября 1909 года и по 106 рублей за переиздания сборника: 20 октября, 10 декабря 1909 и 10 апреля 1910 г. (М.О. Гершензон. Приходно-расходные записи (...) — ОР РГБ. Ф. 746. Оп. 1. К. 14. Ед. хр. 80. Л. 4 об.). За третье издание "Вех" гонорар не платили.
- ¹⁶ Семен Людвигович Франк (1877—1950).
- ¹⁷ Об этом проекте свидетельствует переписка Андрея Белого (Б.Н. Бугаева). Последний, планируя вместе с Э.К. Метнером издание журнала, обратился к Гершензону как "представителю группы "Вех"". В письме к Э.К. Метнеру Белый заключал: «"Идеалисты" предлагают блок с нами"» — и подробно излагал свой разговор с Гершензоном. На вопрос Белого, не согласился ли бы тот на сотрудничество, Гершензон отвечал: "Очень бы согласился (...) Мы недовольны Лурье, "Р. Мыслью", все лето искали денег на журнал, посвященный культуре. Я. Нам нужен Зелинский, может быть, Бердяев, Франк. (...) Гершензон. Послушайте: дайте нам в журнале постоянный отдел, — т.е. мне, Франку, Струве, Бердяеву; (...) Ваша идея — наша идея, т.е. моя, Франка, Струве, Бердяева, Булгакова" (ОР РГБ. Ф. 167. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 6. Л. 3—3 об.). Далее Белый высказывал свои опасения: «Идеалисты» (...), как клетчатка, имеют свойство разбухать и все заполнять: вспомните "Новый Путь"». Здесь он намекал на историю привлечения Мережковскими к редактированию "Нового Пути" Булгакова и Бердяева, что вскоре привело к упразднению журнала и возникновению "Вопросов Жизни" уже без руководящего участия Мережковских. 27 сентября 1909 г. Метнер ответил Белому: "Я никогда не вхожу ни в какие отношения с не-джентльменами. Блок с идеалистами на предлагаемых ими условиях несмыслим; это даже комично звучит: "Вы и ваши будете тоже писать, но организацию поручите нам". Франк, Струве, Бердяев, Булгаков мне, простите, до глубины души противны. Если все будет продолжаться в том же духе, то я вовсе не приеду в Москву и никакого журнала не будет. — Если моя идея — идея Франка и Бердяева, то я сейчас же выброшу эту "идею" в окно и найду себе другую" (там же, К. 5. Ед. хр. 14. Л. 1). Эллис (Л.Л. Кобылинский) тогда же сообщал Метнеру: "Я с чувством огромного удовлетворения познакомился с Вашим последним письмом, в котором Вы поддержали и дали окончательный перевес моим стараниям парировать всякое влияние на Бориса Николаевича жидов (Гершензона) и вообще "Вех", этого хулиганства, принявшего форму старой жованной газеты. При имени П. Струве и Франка я бледнею от бешенства" (там же, К. 7. Ед. хр. 7. Л. 1—1 об.). Таким образом, проект Белого—Гершензона не нашел практического воплощения.
- ¹⁸ Вероятно, имеется в виду книга "The meaning of truth" (N.Y., 1909). О книге В. Джемса "Многообразие религиозного опыта" (М., 1910) Бердяев писал в статье "О расширении опыта" ("Вопросы философии и психологии", 1910, кн. 103).
- ¹⁹ Иванов В.И. По звездам. Статьи и афоризмы. СПб., "Оры", 1909.
- ²⁰ Бердяев Н. О книге Вяч. Иванова "По звездам". — "Московский Еженедельник", 1909, N 49.
- ²¹ Статья Бердяева "Вера и знание" была опубликована в журн. "Вопросы философии и психологии" (1910, N 102) и вошла затем в сборник "Философия свободы" (М.: Путь, 1911).
Статья "Утонченная Фиваида (религиозная драма Гюисманса)" была опубл. в журн. "Русская Мысль" (1910, N 7); затем переиздана в качестве приложения к "Философии свободы".
- ²² Шагинян М. Еще о "Вехах". — "Приазовский Край", 29 июня 1909. Мариэтта Сергеевна Шагинян (1882—1982) — писательница, близкая знакомая С.Н. Булгакова.
- ²³ См. прим.²⁰.
- ²⁴ Архиеп. Антоний. Ответное письмо Н.А. Бердяеву о "Вехах": о Церкви и духовенстве. — "Колокол", 3 и 4 сентября 1909.

- ²⁵ *Сергей Андреевич Котляревский* (1873—1939) — историк и правовед, член редакции и ближайший сотрудник "Московского Еженедельника".
- ²⁶ Имеется в виду "Философия свободы". В журн. "Вопросы философии и психологии", помимо "Веры и знания" (см. прим.²¹), были опубликованы: "Об онтологической гносеологии" (1908, N 93) и "Гносеологическая проблема" (1910, N 105); указанные сочинения вместе со статьями из "Московского Еженедельника" и тремя специально написанными главами составили кн. "Философия свободы".
- ²⁷ *Колупанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1—2. М.: О.Ф. Кошелева, 1889—1892.
- ²⁸ *Завитневич В.З.* А.С. Хомяков. Т. 1—2. Киев, 1902—1913.
- ²⁹ См.: *Бердяев Н.А.* А.С. Хомяков. М.: Путь, 1912.
- ³⁰ *Бердяев Н.* Русский соблазн. По поводу "Серебряного голубя" А. Белого. — "Русская Мысль", 1910, N 11.
- ³¹ Имеются в виду несостоявшиеся проекты сборников статей "веховской" ориентации, посвященные проблемам национального самоопределения интеллигенции, инициаторами которых выступили В.С. Голубев и А.А. Стахович, а также, возможно, подобный проект Е.Н. Трубецкого. В них предполагалось участие большинства авторов "Вех". См. об этом: *Колеров М.А.* Архивная история сборника "Вехи". — "Вестник Московского университета", сер. "История", 1991, N 4.
- ³² Своих статей в предполагавшиеся сборники С.Н. Булгаков не написал: в июле 1909 г. у него умер сын, и это заставило его отказаться от своих публицистических проектов и стало рубежом в его творческой эволюции от "общественности" к церкви.
- ³³ Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) — писатель, заведующий конторой и сотрудник петербургского журнала Булгакова и Бердяева "Вопросы Жизни" (1905). 20 ноября 1909 года Гершензон писал А.М. Ремизову в Петербург: "Бердяевы здесь, недавно приехали и основались на зиму в прежней квартире. Вчера вечером они были у нас и мы говорили о Вас" (РО ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 6).
- ³⁴ Журнал Е.Н. и Г.Н. Трубецких "Московский Еженедельник" в силу финансовых трудностей прекратился в 1910 г.
- ³⁵ С 1907 г. ежемесячный журнал "Русская Мысль" выходил под совместной (до 1911 г.) редакцией П.Б. Струве и А.А. Кизеветтера. Струве стремился широко открыть страницы журнала трудам светских религиозных мыслителей, в том числе и Бердяева. 7 июня 1909 г. Кизеветтер писал Струве: "Я лично все-таки продолжаю думать, что статью Бердяева <"Опыт философского оправдания христианства", см.: "Русская Мысль", 1909, N 9> не следовало бы помещать в "Р. Мысли", а надлежало бы отправить ее в "Вопросы философии и психологии" (...) Я думаю, что мы должны оберегать журнал от статей тяжело-весных и специальных по изложению (...) Как бы нам не повредить начинающемуся укреплению журнала: булыжничкообразными статьями по философско-богословской догматике". Однако Кизеветтеру не удалось остановить статью Бердяева, и он уступил Струве, отмечая, что "помещение ее имеет для Вас принципиальное значение" (ГПБ, АДП. Ф. 753, Оп. 1. Ед. хр. 51. Лл. 7, 18).
- ³⁶ *Лев Исаакович Шестов* (1866—1938) — в 1916—1917 гг. входил в круг ближайших знакомых Бердяева и Гершензона.
- ³⁷ *Жуковские* — Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1868—1943) — издатель и его жена Аделаида Казимировна Герцык-Жуковская (1874—1925) — писательница и переводчица.
- ³⁸ *Турбин Владимир Михайлович* — издательский работник.
- ³⁹ *В.С. Гриневич* — владелица дачи в г. Судак (Крым).
- ⁴⁰ *Сергей Александрович Бердяев* (ок. 1855—1914) — поэт, журналист.
- ⁴¹ "Мусагет" — издательство символистов, возглавлявшееся Э.К. Метнером и Андреем Белым (Москва, 1910—1917). В нем печаталось русское издание философского журнала "Логос". Речь идет об издании книги Бердяева "Смысл творчества".
- ⁴² Три стихотворения *Л.Ю. Бердяевой* см.: "Русская Мысль", 1915, N 4 (под псевдонимом "Лидия Литта").
- ⁴³ Имеется в виду статья "О вечно-бабьем в русской душе". — "Биржевые Ведомости", 14—15 января 1915, N 14610, 14612.
- ⁴⁴ *Вячеслав Иванович Иванов* (1866—1948).
- ⁴⁵ *Константин Федорович Некрасов* (1873—1940) — издатель, владелец издательства в Ярославле (контора помещалась в Москве), племянник Н.А. Некрасова.
- ⁴⁶ Имеется в виду статья "Темное вино". — "Биржевые Ведомости", 1915, N 15159. Вошла также в сб. "Судьба России".

- ⁴⁷ *Борис Григорьевич Столпнер* (1871—1937) — писатель и переводчик.
- ⁴⁸ "Типы религиозной мысли в России. Возрождение православия". — "Русская Мысль", 1916, N 6.
- ⁴⁹ *Александр Карлович Закржевский* (1886—1916) — киевский литератор, знакомый и корреспондент Гершензона. Бердяев опубликовал рецензию на книгу Закржевского "Религия. Психологические параллели" (Киев, 1913). — См.: *Бердяев Н.А.* Преждевременные итоги ("Русская Мысль", 1913, N 5). Впоследствии Бердяев упоминает сочинение Закржевского "Одинокий мыслитель" ("Христианская Мысль", Киев, 1916, апрель и май) в своей работе: "К.Н. Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли" (Париж, 1926).
- ⁵⁰ Статья "Два типа мирозерцания (С.Л. Франк. "Предмет знания")" была опубликована в журн.: "Вопросы философии и психологии", 1916, N 134.
- ⁵¹ В этом издательстве в 1917 году Бердяев опубликовал три брошюры: "Возможна ли социальная революция?", "Народ и классы в русской революции" и "Свободная церковь". Здесь же в 1917—1918 гг. при активном сотрудничестве Бердяева выходил журн. "Народоправство".
- ⁵² Имеется в виду книга: *М.О. Гершензон.* Социально-политические взгляды А.И. Герцена. М., 1906.
- ⁵³ *Николай Николаевич Алексеев* (1879—1964) — правовед, впоследствии "евразиец".
- ⁵⁴ *Евгения Юдифовна Рапп* (1875—1960) — свояченица Бердяева.
- ⁵⁵ Ср. в статье "Типы религиозной мысли в России": "Я специально занимаюсь Я. Беме и предполагаю писать о нем книгу (...)" ("Русская Мысль", 1916, N 6, отд. II, с. 20 сн.). — Замысел не был осуществлен. Специально Я. Беме Бердяев посвятил две работы: "Из этюдов о Я. Беме. Этюд I. Учение об Ungrund'e и свободе" ("Путь", Париж, 1930, N 20); "Из этюдов о Я. Беме. Этюд II. Учение о Софии и андрогине. Я. Беме и русские софиологические течения" ("Путь", 1930, N 21), опубликованные в 1946 г. по-французски во французском издании "Mysterium magnum" Я. Беме. См. также рецензии на книги, посвященных Я. Беме ("Путь", 1926, N 5; 1929, N 18). Мировая война резко обострила "германскую" тему в русской философской публицистике. Полемизируя с "неославянофилами" (В.Ф. Эрном, С.Н. Булгаковым и др.), Бердяев выступил в защиту немецкой философии, отстаивая общечеловеческую значимость ее результатов (см.: *Бердяев Н.А.* К спорам о германской философии. — "Русская Мысль", 1915, N 5, отд. II). При этом Бердяев утверждал, что " (...) великая германская философия — детище мистики (...)" (там же, с. 118), а Я. Беме — величайший мистик (см.: "Русская Мысль", 1916, N 6, отд. II, с. 16). Особо отмечалось, что Беме открыл "бездну в природе самого Божества", почувал "темный волевой источник бытия (...)" (там же, 1915, N 5, с. 116), т.е. поставил свободу, волевой порыв в начало онтологии. Бердяев считал учение Я. Беме о Софии "величайшей вершиной в познании Софии" (там же, с. 118); столь же высоко оценивались им откровения Беме об андрогине, "с которым связана у него проблема человека" (там же, 1916, N 6, с. 20).
- ⁵⁶ *Иван Васильевич Жилкин* (1874—1958) — публицист, депутат I Думы, трудовик, корреспондент М.О. Гершензона. Речь идет о Московском Государственном совещании депутатов Думы, представителей Советов, армии, деловых кругов и др., созванном Временным правительством 12—15 (25—28) августа 1917 г. Кроме докладов министров правительства, на нем прозвучали речи Л.Г. Корнилова, П.Н. Милюкова, В.В. Шульгина, в которых получил идеологическое обоснование так называемый "корниловский мятеж". Большевики осудили это совещание.
- ⁵⁷ *Николай Николаевич Львов* (1867—1944) — саратовский землевладелец, один из лидеров либерального движения, товарищ председателя IV Думы. Бердяев познакомился с ним 20—22 июля 1903 г. на совещании либеральных деятелей в Шафгаузене (Швейцария).
- ⁵⁸ В сентябре—декабре 1917 года Бердяев опубликовал в "Народоправстве" ряд статей: Патриотизм и политика (25 сентября, N 10); О свободе и достоинстве слова (7 октября, N 11); Объективные основы общественности (23 октября, N 13); Об истинной и ложной народной воле (30 октября, N 14); Была ли в России революция? (19 ноября, N 15); Задачи национальной демократии (2 декабря, N 16); Германизация России (7 декабря, N 17); Мир буржуазный и мир "социалистический" (25 декабря, N 18—19).

*Предисловие и публикация М.А. Колерова;
примечания И.В. Борисовой и М.А. Колерова*